Научная статья

УДК 1.14 + 130.31

DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-3-39-56

Холистический потенциал теории нарративной идентичности

Владимир Владимирович Бабич

*Томский государственный университет
Томск, Россия*

v.v.babich@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8537-9782>

Аннотация

Анализируется типология теорий тождества личностей. Выделяются критерии, являющиеся основаниями концептуализации теорий тождества: психологический, биологический, субстанциональный и нарративный. Представлены основные аргументы в пользу применения каждого критерия. Обозначены направления современной критики анализируемых теорий. Исследуется холистический потенциал теории нарративной идентичности в контексте совместного применения психологического, биологического и нарративного критерия для решения проблемы тождества личности. Утверждается, что теория нарративной идентичности допускает использование трех обозначенных критериев при конструировании холистической модели личной идентичности через ряд диалектических оппозиций: Я/Другой; личное/социальное; субъективное/объективное; интенциональность/пассивность; интеллигибельное/физическое.

Ключевые слова

тождество личности, биологический подход, психологический подход, субстанциональный подход, нарративная идентичность, холизм

Для цитирования

Бабич В. В. Холистический потенциал теории нарративной идентичности // Сибирский философский журнал. 2024. Т. 22, № 3. С. 39–56. DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-3-39-56

The holistic potential of narrative identity theory

Vladimir V. Babich

*Tomsk State University
Tomsk, Russia*

v.v.babich@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-8537-9782>

Abstract

The paper analyzes the typology of personal identity theories. It identifies the criteria that form the basis for conceptualizing identity theories: psychological, biological, substantial and narrative. The main

© Бабич В. В., 2024

arguments in favor of using each criterion are presented and the directions of modern criticism of these theories are outlined. The holistic potential of the theory of narrative identity is studied in the context of the joint application of the psychological, biological and narrative criteria used to solve the problem of personal identity. It is argued that the theory of narrative identity allows the use of the three designated criteria in constructing a holistic model of personal identity through a number of dialectical oppositions: Self/Other; personal/social; subjective/objective; intentionality/passivity; intelligible/physical.

Keywords

personal identity, biological approach, psychological approach, substantial approach, narrative identity, holism

For citation

Babich V.V. The holistic potential of narrative identity theory. *Siberian Journal of Philosophy*, 2024, vol. 22, no. 3, pp. 39–56. (in Russian) DOI 10.25205/2541-7517-2024-22-3-39-56

Проблема тождества личности является традиционной для философской антропологии. Еще в досократовской античности вопрос тождества поднимался пифагорейцами. Древнейшим примером, дошедшим до нас, является отрывок из Эпихарма: «Вот так смотри теперь и на людей: один растёт, другой чахнет, все всё время в изменении, но то, что изменяется по [своей] природе и никогда не остается тем же, уже отлично от переменившегося. Так и ты, и я: вчера одни, а ныне другие, [завтра же] опять иные, и никогда не одни и те же, по одному и тому же счёту» [Эпихарм, 1989, с. 260].

Современные дебаты о личной идентичности имеют долгую предысторию, берущую свое начало с классической главы «О тождестве и различии» в «Опыте о человеческом разумении» Дж. Локка. Как известно, в этой главе философ фокусируется на «вопросе о постоянстве», связывая тождество личности с самосознанием и рефлексией. Локк утверждал, что личностное существование предполагает способность «рассматривать себя как себя, как то же самое мыслящее существо, в разное время и в различных местах» [Локк, 1985, с. 387]. Размышления философа во многом определили последующую постановку вопроса о тождестве личности. После Дж. Локка обсуждение проблемы часто ограничивалось вопросом: каковы необходимые и достаточные условия для того, чтобы человек в момент времени t_1 был таким же, как человек в момент времени t_2 (числовая идентичность)? Следующий основополагающий вопрос о личной самоидентичности касается индивидуальных характеристик человека (качественная идентичность). Когда мы интересуемся тем, «кто есть кто», мы не просто пытаемся подтвердить числовую идентичность человека во времени, но интересуемся характерными чертами, которые делают кого-то конкретной личностью, которой он является.

Проблема тождества личности в современных дискуссиях обнаруживается в разных модальностях, отражающих ответ на вопрос «кто я?» как вопрос, касающийся моей самоидентичности. Этот вопрос можно рассматривать как вопрос повторной идентификации («должен ли я быть отождествлен с собой на старой фотографии?»), характеристики («каковы основные характеристики меня самого?»), принадлежности («членом какой группы или сообщества я являюсь/с кем я себя отождествляю и почему?») и, наконец, индивидуализации («действительно

ли я уникален или такой же, как все остальные?»). Ответы на эти вопросы зависят от критерия, на основании которого происходила концептуализация той или иной объясняющей теории тождества личности, и от того, какие аспекты нашего существования мы принимаем во внимание (темпоральность, воплощение, социальность, нормативность, интеллигибельность, нарративность и т.д.).

Типология теорий тождества личности: критерии, подходы, критика

Современная философская антропология содержит множество глобальных и локальных теорий тождества личности. Данные теории выстраиваются вокруг поиска критериев, позволяющих определять сохранение личности во времени (см., например: [Секацкая, 2018]). Устоявшаяся классификация содержит четыре критерия, выступающих основаниями для концептуализации теорий тождества личности: психологический, биологический (физический), субстанциальный и нарративный.

1. В современной интерпретации *психологический критерий* был сформулирован еще Дж. Локком. Философ определял личность как то, что имеет самосознание, память и способность к рефлексии. Согласно психологическому критерию, необходимым и достаточным основанием тождества личности является тождество состояния сознания, что подразумевает сохранение психологической континуальности. Какие-либо телесные изменения здесь не имеют значения.

Теории тождества, основанные на психологическом критерии, пытаются разграничить личностное и животное существование вида *Homo sapiens*, утверждают, что условия продолжения существования личности и человеческого животного разные. Это приводит к заключению, что биологическое и личностное существование численно различны, несмотря на то что пространственно они находятся в одном и том же месте (см.: [Чирва, 2012, с. 62]). Дж. Локк писал: «Насколько разумное существо может повторять идею прошлого действия с тем же самым сознанием о нём, настолько оно и есть одна и та же личность. Благодаря осознанию своих теперешних мыслей и действий разумное существо бывает для себя личностью теперь; она останется той же самой личностью и в будущем, поскольку может простирает то же самое сознание на действия, прошедшие или будущие, и не превратиться в две личности вследствие интервала во времени или переменны субстанции, как человек не превращается в двух людей оттого, что он сегодня носит не то платье, чем вчера, или оттого, что в промежутке у него был долгий или короткий сон. Одно и то же сознание объединяет в одну и ту же личность эти отдалённые действия, какие бы субстанции ни содействовали их совершению» [Локк, 1985, с. 392–393].

Психологическая континуальность подразумевает две способности личности. Способность накапливать, связывать и сохранять воспоминания о прошлом пережитом опыте и способность сохранять связь ментальных состояний во времени (убеждения, ценности, установки, характер и др.) (см.: [Мерцалов, 2023, с. 181–182]). Таким образом, согласно психологическому критерию, поддерживать тождество личности – это значит иметь способность наследовать и сохранять психологические характеристики: ценности, желания, убеждения, темперамент,

характер и воспоминания и т.п. С точки зрения психологического подхода вопрос о тождестве личности – это прежде всего вопрос о качественной идентичности.

Иллюстрируя свой тезис о том, что тождество личности основано не на телесности, а на постоянстве памяти и ментальных связей, Дж. Локк предлагал представить ситуацию, в которой сапожник и принц поменялись телами. Все воспоминания принца, его прожитый опыт и мысли теперь находятся в теле сапожника. Кто теперь из них кто, спрашивает философ. По мнению Дж. Локка, разумное большинство сочтет, что принц оказался в теле сапожника.

По мнению Д.Б. Волкова, косвенным доказательством «приоритетности психологических критериев также является особая озабоченность многих людей существованием после физической смерти... Пусть человеческое тело погибает, уничтожается, – считают они, – но личность все равно может быть сохранена. Интуитивно кажется, что для продолжения существования важно сохранение сознания, мышления, воспоминаний и других психологических характеристик» [Волков, 2017, с. 17]. Другие обыденные интуиции также согласуются с теорией Локка. «Интуитивно кажется, что пьяный человек не тот же самый человек, что человек трезвый. И критерий доступности в памяти это вполне оправдывает. Поступки, совершенные в состоянии невменяемости или опьянения, часто недоступны памяти человека. А значит, по психологическому критерию их нельзя приписывать к той же личности» [Там же, с. 17].

Психологический подход является наиболее распространённым при решении проблемы тождества личности (см.: [Кочнев, 2023, с. 115]). В современной аналитической философии продолжаются дебаты относительно аспектов психологического подхода, прежде всего связанных с проблемами цикличности и ошибками памяти, отсутствием транзитивности и наличием бессознательных состояний (когда наш психологический опыт прерывается или не осознается) (см., например: [Parfit, 1984; Гуревич, Спирина, 2016; Shoemaker, 2005; Винник, 2007; Noonan, 2019]). Отдельно развивается критика психологической теории в контексте неспособности объяснить особую заботу личности о себе, которую мы испытываем, говоря о своем будущем и моральной ответственности за прошлое (см., например: [Волков, 2016; Логинов, 2020; Schechtman, 2007]).

2. Концепции тождества, основанные на *биологическом критерии*, утверждают, что личностное существование определяется особенностями биологических процессов и является одним из этапов существования биологического организма вида *Homo sapiens*. Биологический критерий предполагает, что личность всегда казуально фундируется биологическими характеристиками организма, при этом биологическая связность выступает необходимым и достаточным условием сохранения человеческой личности во времени.

Биологический подход активно развивается со второй половины XX в. Исследователи рассматривали память как необходимое условие существования личности (подобно тому как это делали представители психологического подхода), однако онтологическим основанием психологических способностей выступал телесный компонент (см., например: [Wiggins, 1967; Williams, 1956; Ayers, 1974; Carter, 1988]). На рубеже веков произошло изменение в способе постановки вопроса о тождестве. С точки зрения биологического критерия Э.Н. Олсон и ряд

других исследователей предположили, что вопрос о тождестве личности – это вопрос прежде всего «о том, под какой субстанциальный сортальный термин мы с вами попадаем, иными словами: что мы такое?» [Логинов, 2018, с. 27].

Современный биологический подход, развиваемый Э.Н. Олсоном, рассматривает наше существование в качестве «человеческого животного» (*human animals*), которому не требуется сохранение психологической непрерывности для существования в качестве одного того же объекта во времени (см.: [Олсон, 2018, с. 111]). При этом под «животным» подразумевается нечто состоящее из материальных частей – живых клеток. В соответствии с биологической теорией тождества, личность может пониматься в качестве сознательной и временной части существования человеческого животного (см.: [Olson, 1997, p. 120–125]). Из этого следует, что любые наши высказывания о личности в качестве своего референта подразумевают организм. Таким образом, с точки зрения биологического подхода вопрос о тождестве личности – это прежде всего вопрос о числовой идентичности.

Подобно психологическому критерию, часть обыденных интуиций формируют представление о том, что тождество личности определяется тождеством тела. Человек с ретроградной амнезией признается другими той же самой личностью вне зависимости от того, что он утерял связь с прошлым собой. Человека в коме мы продолжаем считать тем же самым человеком, который существовал до коматозного состояния. Давно признанным фактом является и то, что кора головного мозга обеспечивает возможность иметь осознаваемый психологический опыт.

Критикуя тезис психологической теории тождества о том, что биологическое и личностное существование численно различны, Э.Н. Олсон защищает следующее утверждение: «Я – животное, привходящим свойством которого является быть личностью; условия продолжения моего существования – такие же, как у всякого животного вида *Homo sapiens*, они не связаны с психологическими способностями напрямую» [Olson, 2007, p. 55]. По Олсону, личность – это временная часть существования «человеческого животного», характеризующаяся особыми приобретёнными способностями, при этом животное существует до того, как сможет приобрести эти способности, а также может пережить их потерю. Д.В. Чирва, осмысляя аргументы Э.Н. Олсона, приходит к выводу: «Я прихожу в этот мир как человеческое животное и ухожу из этого мира как человеческое животное. Даже в случае, если все мои воспоминания и желания, хранящиеся в коре головного мозга, при угрозе гибели моего тела будут пересажены в мозг другого живого существа, я умру. При этом я продолжу существовать как тот же самый человек с практической точки зрения (это подтвердят все мои близкие), но исчезну с метафизической точки зрения, так как численного тождества моей сущности (быть одним и тем же человеческим животным) более не будет» [Чирва, 2012, с. 64].

Теоретические положения биологического подхода имеют несколько практических следствий в вопросах биоэтики. Э.Н. Олсон, утверждая необходимость сохранения числовой идентичности тела для тождества личности, постулирует проблему эмбриона. Каждый из нас был когда-то эмбрионом, у эмбриона нет психологических функций, следовательно, он находится за пределами психологиче-

ской континуальности «Я» и к нему невозможно иметь психологическую преемственность. Если исходить из того, что психологический критерий верен, то я и вы никогда не были эмбрионом, мы возникли в момент появления у нас когнитивных функций и памяти. Но в таком случае личность либо есть возникшая функция биологического организма, либо она является отдельной сущностью. При этом в обыденной жизни мы предполагаем, что эмбрион и возникший из эмбриона будущий взрослый человек сохраняют единую числовую идентичность. Однако, как пишет Э.Н. Олсон: «...многие философы так не думают. Во всяком случае, большая часть недавних размышлений о тождестве личности прямо предполагает, что человек никогда не был пятимесячным эмбрионом и что такой эмбрион не является личностью» [Olson, 1997, p. 95].

Возникает проблема асинхронности, которую можно представить в виде вопроса о способе соотношения во времени личности и организма *Homo sapiens*. Ответ на данный вопрос представлен в спектре различных теорий, использующих биологический критерий. *Дуалистическая теория* предполагает автономное существование личности и физического тела, она игнорирует натуралистические объяснения личности, свойственные психологическому и биологическому подходу (см., например: [Павлов, 2020]). *Теория конструирования* предполагает, что две сущности, личность и «человеческое животное», могут находиться одновременно в одном и тоже пространственном положении. Представители данной концепции утверждают, что различные виды существования могут быть объединены в единый онтологический род, обозначаемый как личность (см.: [Baker, 2000, p. 92]). *Теория телесно воплощенных частей* понимает личность в качестве сознания, идентичность которого определяется воплощением в конкретных частях головного мозга, ответственных за способность переживать сознательный опыт; животное не мыслит, мыслит его часть (см.: [McMahan, 2002, p. 67]). *Анимализм* как решение проблемы асинхронности предполагает отказ от рассмотрения личности и тела в качестве отдельных сущностей; постулируется одна сущность, организм, а личность лишь стадия развития организма (см.: [Чирва, 2021, с. 109–110]).

Современные критики биологического подхода обвиняют его в том, что он не учитывает аспект особой заботы о личном интересе и будущих состояниях, которые отличают нас от остальных животных (см., например: [Чирва, 2015; Schechtman, 2007]). Также, по мнению некоторых философов, он плохо решает вопросы этической ответственности, игнорируя аксиологический горизонт существования личности, а также ее способность к интенциональным актам (см., например: [Фауль, 2023; Blatti, 2016; Schechtman, 2014; Shoemaker, 2005]).

3. Если в психологическом и биологическом подходе личность рассматривается в качестве функционального понятия, то *субстанциальный критерий* тождества предполагает рассмотрение личности в качестве субстанциального начала человеческого существования. Данный подход в истории мысли представлен преимущественно в религиозной философии, связанной с авраамическими религиями. Известное определение личности Боэция как «индивидуальной субстанции разумной природы» является классическим пониманием субстанциального подхода, утверждающего, что то или иное представление о душе есть условие тождества личности.

Возникнув в древних культурах, субстанциальный подход концептуализировался в качестве идеалистической или дуалистической теории, разделяющей дух и материю, душу и тело. Современное применение субстанциального критерия при решении проблемы тождества личности можно обнаружить в двух направлениях философской мысли: гилеморфизме и субстанциальном дуализме, берущем свое начало с декартовских рассуждений о человеке.

Гилеморфизм – неоаристотелевское философское течение, объясняющее отношение души и тела как особый случай отношения формы и функции материи, которой она присуща (см., например: [Орлов, 2004]). Рецепция учения Аристотеля в христианскую доктрину произошла прежде всего через работы Фомы Аквинского, который видел тождество личности в постулировании тождества души (субстанциальной формы), а индивидуализацию человеческого существования понимал через соединение души и материи (см., например: Кимелев, 2024]). Современные гилеморфисты преимущественно связаны с философской медиэвистикой или тем или иным богословским течением. Несколько упрощенный и обобщенный взгляд на проблему тождества личности с точки зрения гилеморфизма можно представить с помощью следующих тезисов.

(а) Человеческое существование описывается с помощью двух онтологических категорий «материи» и «души» (особой субстанциальной формы);

(б) мы существуем как воплощенные в тело существа;

(в) после смерти человеческое существование продолжается; его непрерывность обеспечивается божественным порядком;

(г) некоторые гилеморфисты допускают, что в момент смерти мы прекращаем свое существование, и только на Страшном суде Бог соединяет нашу субстанциальную форму с материей, продолжая наше существование (см., например: [Гаспаров, 2017]). По мнению гилеморфистов, применение субстанциального критерия способно преодолеть проблему противопоставления дуализма и материализма в философской антропологии, а также объяснить материальное конструирование человека.

Картезианский дуализм основывается на антропологическом аргументе Р. Декарта *Cogito ergo sum*, утверждавшем, что сознание и тело – это две различные субстанции (см., например: [Козырев, 2020]). Ряд современных философов, решая проблему тождества личности, обращается к традиции картезианских размышлений о человеке; постулирует утверждение декартовской философии об онтологическом разделении мышления и материи, души и тела (см., например: [Князев, 2018; Swinburne, 2018]). Религиозный философ Р. Суинберн, наиболее последовательно развивающий идеи картезианского дуализма, выстраивает свой апофатический метод экспликации тождества следующим образом:

(а) мы не можем наблюдать то, что обеспечивает в полной мере тождество личности, однако интуитивно обнаруживаем это тождество;

(б) это что-то должно быть тем, что наблюдать невозможно, следовательно, душа существует.

По мнению Р. Суинберна, субстанциальное различие физического и ментального в человеке объясняет феномен чувства единства сознания, так как данный нам в ощущениях опыт существования фундируется нередуцируемой ментальной субстанцией, то есть душой (см., например: [Swinburne, 2013]).

Основные аргументы критиков субстанционального подхода выстраиваются вокруг следующих утверждений. Философы, использующие субстанциональный критерий для решения проблемы тождества, игнорируют современные научные данные, вводят ряд необоснованных гипотез и используют средневековый терминологический аппарат, плохо применимый к современному теоретическому и практическому знанию (см., например: [Гарнцева, 2008; Волков, 2017; Разеев, 2020; Павлов, 2020]). Н. Лобковиц, рассматривая современное состояние неотолизма, писал: «Попытки [передать идеи Фомы в терминах современной естественной науки] были, с одной стороны, малочисленны и несистематичны, а с другой – слишком малоубедительны, так что большинство томистов стремилось ограничить свои штудии границами, в которых не затрагивались серьезные проблемы этого рода, прежде всего границами метафизики» [Лобковиц, 2007, с.128].

4. *Нарративный критерий* тождества основывается на утверждении, что «ощущение собственной самоидентичности и единства жизни связано с нашей способностью рассказать связную историю о себе» [Бабич, 2024, с. 74]. Нарративная идентичность является наиболее «молодой» теорией, объясняющей сохранение тождества личности с помощью особых функций автобиографического нарратива: наличием перспективы от первого лица, телеологичностью, холистичностью, интеллигибельностью, реалистичностью, аксиологичностью и темпоральностью (см., например: [Теребков, 2012; Макинтайр, 2000; Тюпа, 2022; Schechtman, 2007]). Как правило, нарративисты не рассматривают вопрос реидентификации, смещая свой интерес к вопросу характеристики личности, ответом на который является автобиографичный нарратив.

Нарративная идентичность подразумевает принятие трех фундаментальных характеристик, описывающих личностное существование: самосознание и рефлексия, субъектность (способность действовать исходя из собственных целей, ценностей и желаний), временный характер существования. Соответственно, отрицание одной или нескольких приведенных характеристик личности будет достаточным для опровержения нарративной теории тождества.

Другой важной особенностью нарративного подхода является утверждение невозможности картезианского, прямого доступа к себе; субъективность всегда опосредована культурой. Как утверждал П. Рикёр, «не бывает понимания себя, не опосредованного знаками, символами, текстами; понимание себя совпадает в конечном итоге с интерпретацией, примененной к этим последующим текстам» [Ricoeur, 1986 p. 29]. Это имплицитно подразумевает необходимость культурной непрерывности для сохранения тождества личности. Мы сами выстраиваем свою личность, создавая рассказ о себе, используя спектр возможных интерпретаций событий нашей жизни, содержащийся в культуре.

Холистичность нарративного подхода подразумевает, что именно с рассказа о нас начинается наша личность, и каждое событие нашей жизни есть часть этого рассказа. Возможность включения наших поступков и событий, связанных с нами, в последовательный и реалистичный рассказ о нас, выступает основой создания истории о той или иной личности, в которой становятся понятны ее опыт, убеждения, ценности и желания, а также временная связанность произошедших событий и намеченных планов.

Следующей важной особенностью нарративного подхода является то, что способность рассказывать истории о себе является приобретаемым навыком. Нарративная идентичность – это не данность (подобно той, которую допускают теории, опирающиеся на субстанциальный критерий), а достижение субъекта, она может быть изменена, нарушена или потерпеть неудачу при конструировании. Это может произойти по разным причинам физической или психиатрической патологии, социальной деформации или под воздействием социальной аномии, то есть всех тех факторов, которые мешают способности человека формировать представление о себе, выражать его и интегрировать в текущую социальную реальность.

Критики нарративного подхода доказывают, что нарративная идентичность является произвольной контингентной ментальной конструкцией, искажающей подлинный опыт существования личности, тем самым обвиняя ее в фальсификации опыта и антиреализме (см., например: [Strawson, 2004; Ćapek, 2015; Кочнев, 2020]). Утверждается, что нарративные теории игнорируют проблемы обмана или самообмана, изменчивости и непостоянства устных нарративов, а также высказывают опасение, что у нас слишком много творческой свободы в определении себя (см., например: [Захави, 2015]). Отдельным направлением критики является обсуждение слабой способности нарративной идентичности объяснить статус человека до появления (и после потери) возможности артикулировать целостный автобиографический нарратив; также озвучиваются обвинения в игнорировании оценки способности человека к саморефлексии и интроспекции, уровня ясности и стабильности в построении автобиографического нарратива, что, по мнению критиков, приводит к «лишению значительной части людей полноценной идентичности» (см., например: [Schechtman, 2014; Гаспаров, 2018]).

Холистический потенциал теории нарративной идентичности

Теория нарративной идентичности утверждает, что невозможно говорить о тождестве личности сепарированно от ее нарративов. «Нарративное единство» является необходимым центральным элементом структуры личности, обеспечивающие ее тождество. Под «нарративным единством» понимается переживание субъектом единства своего жизненного проекта во времени через конструирование автобиографического нарратива, что позволяет осознавать самотождественность собственного существования как чего-то длящегося и континуального. Такое понимание тождества личности позволяет выявить особые характеристики и необходимые условия существования автобиографического нарратива, обеспечивающего возникновение нарративного единства, а, следовательно, и личной идентичности. Обозначим их в контексте осмысления противоречий, возникающих при попытке соединения различных подходов в обосновании тождества личности.

В попытке найти точку схождения «нарративного единства» Д. Деннет вводит понятие «центра нарративной гравитации»: «Я полагаю, что она сродни центру гравитации – абстракции, которая, несмотря на свою абстрактность, тесно связана с физическим миром» [Деннет, 2003, с. 122]. В нарративной теории такой точкой схождения является перспектива от первого лица.

Перспектива от первого лица может присутствовать и у животных, также имеющих численно тождественное тело, что делает ее прежде всего биологическим феноменом (см.: [Левин, 2018, с. 184–185]). У животных также присутствует социальность и языковое общение, однако отсутствие второй сигнальной системы не позволяет, например, шимпанзе сформировать минимальный уровень самовыражения, учитывающего физическую, психологическую, телеологическую, аксиологическую и социальную связанность в едином темпоральном горизонте. Разделяя человеческое существование и существование других животных, Л.Р. Бейкер утверждал, что некоторые развитые млекопитающие, обладая определенной рациональностью, при этом не обладают осознанной заботой о себе и о своем будущем в качестве конечного существа (планирование, формирование представлений о норме, отложенное удовлетворение своих желаний, ценностные представления и пр.). По его мнению, подобную заботу может проявлять только развитая перспектива от первого лица, то есть человек (см.: [Baker, 2000, с. 59–88]). Таким образом, эмпирическим «центром нарративной гравитации» выступает воплощенный субъект, имеющий численно тождественное тело и обладающий минимальной способностью к самовыражению и рефлексии, ниже которого он становится неспособным управлять своими действиями и брать на себя ответственность за них (вменяемость). Нарративная идентичность в эмпирическом плане всегда предполагает наличие телесно воплощенного субъекта, чей опыт доступен для повествования. Осмысляя проблему самоидентификации личности как отношения эмпирического, объективного существования личности и самообозначающегося субъекта, П. Рикёр писал: «Само понятие индивидуальной перспективы имеет неизбежные онтологические коннотации. В самом деле, что является центром такой перспективы, как не мое собственное тело? Но мое телесное воплощение, – то есть тот факт, что я суть это тело, – не изолированный феномен, а часть более общей онтологической структуры... В этом понимании нам дан простой факт: мое тело как тело среди других тел – только фрагмент объективного мира, но как тело собственное, мне принадлежащее, оно разделяет с Ego его статус перспективной точки отсчета, задающей границы мировосприятия» [Рикёр, 1989, с. 44].

Требование наличия перспективы от первого лица в нарративной теории сближает ее с биологическим походом, утверждающим необходимость численного сохранения идентичного тела в качестве биологического критерия тождества личности.

Телесная природа сознания, основанная на численном тождестве тела, определяет сохранение единства перспективы от первого лица. Без соотнесения с «моим телом» перспектива, которую выражает «Я», сама по себе не могла бы быть идентифицирована, поскольку она не была бы закреплена ни в чем перцептивном. Благодаря этому мы можем проводить атрибуцию моральной ответственности и выявлять, какие события, цели и ценности определяли жизнь конкретного человека. Как выражение телесной индивидуальности перцептивное сознание всегда перспективно, особенности предметов и переживаний артикулируются на фоне сенсомоторных возможностей собственного тела. Принятие необходимости телесного воплощения в качестве необходимого условия тождества личности позволяет утверждать, что само существование нарратива, определя-

ющего личную идентичность, зависит от возможности его изложения протагонистом.

Условие наличия у воплощенного сознания минимальной способности к самовыражению, воплощающего физическую, логическую, телеологическую, аксиологическую и социальную связанность, подводит нас к пересечению нарративного подхода с требованием психологического критерия. Автобиографический нарратив немислим без рефлексивного сознания, обладающего памятью и осознающего себя «источником поступков». Нарративная теория утверждает, что осознание себя источником собственных действий невозможно вне автобиографического нарратива. Наши воспоминания о прошлых поступках и планы на будущее предполагают нашу «вменяемость», т.е. признание за нами способности управлять своими действиями и брать на себя ответственность за них. Это подразумевает, что личность может объяснить собственные действия, если же они остаются для нее непостижимыми, то они и не могут быть интегрированы в представление о себе. Говоря о тождестве личности, мы утверждаем, что ее действия, чтобы быть собственными, должны быть приписаны себе в качестве отрефлексированного опыта, выражающего собственные цели и желания. К. Корсгаард называет этот процесс «рефлексивным одобрением». Эта «способность к сознательной рефлексии по поводу наших собственных действий дает нам вид власти над самими собой, и эта власть придает нормативность нашим моральным требованиям» [Korsgaard, 1992, с. 25–26]. Таким образом, нарративная идентичность требует, чтобы автобиографический нарратив был чем-то большим, чем простая хроника (рассказ во временной последовательности фактов своего прошлого): он должен осознаваться как активный отрефлексированный проект. Данная установка сближает нарративный подход с психологическим критерием тождества личности.

Одним из самых критикуемых мест теории нарративной идентичности является непроясненность вопроса о статусе человека до формирования способности выстраивать связный автобиографический нарратив и после его потери. Отчасти этот вопрос снимается требованием культурной непрерывности, имплицитно содержащимся в теории нарративной идентичности. Нарративная идентичность – это не просто сообщение от первого лица о субъективном опыте и точке зрения индивида, это сложная модель, в которой субъективная точка зрения от первого лица переплетается с точкой зрения второго лица в общей коммуникативной ситуации, а также обобщаемая точка зрения или перспектива от третьего лица, предполагаемая горизонтом общедоступных символов и значений культуры. По П. Рикёру: «Интенциональное высказывание подразумевает самообозначение как говорящего, так и адресата. Но этот процесс самообозначения рождает не только «Я» и «Ты». Структура языка такова, что и третьему лицу – лицу, о котором мы говорим, – мы можем приписывать ту же самую способность обозначать себя как того, кто говорит, и обозначать своего адресата» [Рикёр, 1989, с. 43].

Именно наличие перспективы от второго и третьего лица в построении нарративной идентичности определяет культурную непрерывность существования личности. А. Макинтайр утверждал, что «каждый из нас, будучи главным актером своей собственной драмы, играет подчиненную роль в драме других, и каждая драма ограничивает этих других» [Макинтайр, 2000, с. 287]. Подобная культур-

ная непрерывность возникает у ребенка с момента рождения до возникновения у него речи, он уже интегрирован в культурное пространство и продолжает существовать в нем до своей физической смерти.

Выводы

Холистический потенциал теории нарративной идентичности опирается на признание необходимости сохранения трех непрерывностей существования человека: биологической (физической), психологической и культурной. С другой стороны, воплощение, вменяемость (способность помнить, понимать и контролировать свои желания и поступки), способность к рефлексивному одобрению представленных в культуре спектров интерпретаций, выступают, с точки зрения теории нарративной идентичности, необходимыми условиями сохранения тождества личности. Данные условия включают в себя как биологический, так и психологический критерий тождества.

Синтез биологического и психологического критерия в рамках нарративного подхода позволяет рассматривать личность в качестве воплощенного сознания (обладание телом и психикой) и существования, имеющего значение в символическом и ценностном пространстве культуры, которое определяется через отношения личности к другим личностям. Каждая непрерывность (биологическая, психологическая и культурная) в отдельности не является необходимым и достаточным условием сохранения тождества личности. Необходимо учитывать и то, что в противоположность множеству мыслительных экспериментов в эмпирическом плане все три непрерывности оказывают взаимное влияние друг на друга и не являются обособленными. Изменение физических параметров меняет психологические качества, исчезновение психической непрерывности предполагает физиологические патологии и нарушения, отсутствие культурной непрерывности влечет за собой психологические девиации.

Таким образом, теория нарративной идентичности использует биологический, психологический и нарративный критерий при решении вопроса о тождестве личности. Данный синтезирующий подход позволяет репрезентировать «Я» в качестве динамической ментально-телесной модели личной идентичности через ряд диалектических оппозиций: Я/Другой; личное/социальное; субъективное/объективное; интенциональность/пассивность; интеллигибельное/физическое. Несводимая полностью ни к одному компоненту личность (представленная с помощью нарративной концепции) понимается холистически как ментально-телесное динамическое существование, включающее в себя схождение перспективы от первого, второго и третьего лица.

Отличие нарративного подхода от биологических и психологических теорий в том, что он обеспечивает успешное решение проблемы тождества личности, объединяя в единой теории биологические, психологические и нарративные атрибуты «Я». Эмпирически данные атрибуты определяют функциональные возможности и характеристики субъекта и должны рассматриваться в совокупности при решении проблемы тождества.

Необходимость учета всех аспектов существования личности при решении проблемы тождества иллюстрирует случай, произошедший с Клайвом Уэрингом. Будучи уже признанным музыкантом, он перенес заболевание мозга, последствием которого была потеря способности формировать долгосрочные воспоминания и ретроградная амнезия. По свидетельствам его жены, «его способность воспринимать то, что он видел и слышал, не пострадала. Но он не мог удерживать никаких впечатлений дольше одного мгновения. Действительно, если он и моргал, его веки открывались, открывая новую сцену. То, что он видел и воспринимал до моргания, было совершенно забыто»¹.

Данный пример фокусирует наше внимание на том, каким образом потеря способности быть автором собственного повествования приводит к потере специфических человеческих способностей, образующих нашу личность, и как эта потеря связана с биологическими и психологическими критериями существования «Я».

Список литературы

- Бабич В. В.** В защиту нарративной идентичности // *Философская мысль*. 2024. № 7. С. 74–91.
- Винник Д. В.** Метафизические основания и эмпирические критерии тождества личности // *Философия науки*. 2007. № 2 (33). С. 108–123.
- Волков Д. Б.** Нарративный подход как решение проблемы тождества // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2016. № 4. С. 21–32.
- Волков Д. Б.** Современный субстанциональный подход к проблеме тождества личности // *Философия и культура*. 2017. № 1. С. 77–85.
- Волков Д. Б.** Психологический подход как решение проблемы тождества личности // *Философская мысль*. 2017. № 2. С. 13–25.
- Гарнцева Н. М.** Критика дуализма в современной аналитической философии // *Вестник Московского университета. Серия 7. Философия*. 2008. № 4. С. 39–50.
- Гаспаров И. Г.** Тождество личности и воскрешение мертвых // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1. Богословие. Философия. Религиоведение*. 2017. № 70. С. 47–62.
- Гаспаров И. Г.** Тождество личности и нарратив // *Философский журнал*. 2018. Т. 11. № 3. С. 180–183.
- Гуревич П. С., Спирова Э. М.** Идентичность и ее тень (социокультурные конфигурации самождественности) // *Человек*. 2016. № 5. С. 84–94.
- Деннет Д. С.** Почему каждый из нас является новеллистом // *Вопросы философии*. 2003. № 2. С. 121–130.
- Захави Д.** Я и Другой: от чистого я к совместно выстраиваемому мы // *Мысль: Журнал Петербургского философского общества*. 2015. Т. 18. С. 28–46.
- Кимелев Ю. А.** Неосхоластика во второй половине XX – начале XXI в. // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3. Философия*. 2024. № 1. С. 7–27.

¹ См.: Sacks O. The Abyss: Music and Amnesia (September 24, 2007) // *The New Yorker*. URL: <http://www.newyorker.com/magazine/2007/09/24/the-abyss> (дата обращения: 30.09.2024)

- Князев В. Н.** Декартовский дуализм и психофизический параллелизм // V Декартовские чтения «Декартовский дуализм и современная картина мира»: Материалы международной научно-практической конференции (Зеленоград, МИЭТ, 15–16 ноября 2018) / Под общ. ред. А.И. Пирогова. М.: Изд-во МИЭТ, 2018. Т. 1. С. 111–117.
- Козырева О. А.** Субстанциальный дуализм и приватность ментального в философии Р. Декарта: критика поверхностной интерпретации // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 452. С. 79–87.
- Кочнев Р. Л.** Типы тождества и координаты личности: способы классификации современных теорий тождества личности // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60. № 2. С. 114–132.
- Кочнев Р. Л.** Повесть о ненастоящем человеке: тождество личности и экзистенциализм // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». 2020. № 1. С. 95–102.
- Левин С. М.** Нарративный подход: фикция и реальность // Философский журнал. 2018. Т. 11. № 3. С. 184–187.
- Лобковиц Н.** Вечная философия и современные размышления о ней. М.: Сигнум Веритатис, 2007.
- Логинов Е., Мерцалов А., Салин А. и др.** Прологомены к проблеме тождества личности // Финиковый компот. 2018. № 13. С. 6–40.
- Логинов Е. В.** Является ли тождество личности условием моральной ответственности? // Философский журнал. 2020. Т. 13. № 2. С. 173–184.
- Локк Дж.** Сочинения в трех томах / Под ред. И.С. Нарского. М.: Мысль, 1985. Т. 1.
- Макинтайр А.** После добродетели: Исследования теории морали. М.: Академический проект, 2000.
- Мерцалов А. В.** Преимущества психологической теории тождества личности в вопросе о моральной ответственности // Философский журнал. 2023. Т. 16. № 1. С. 177–192.
- Олсон Э.** Мы – животные // Финиковый компот. 2018. № 13. С. 107–113.
- Орлов Е. В.** Аристотелевский гилеморфизм и аналитическая философия сознания // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 1. С. 29–33.
- Павлов А. С.** Субстанциальный дуализм Ричарда Суинбёрна: современное состояние и критика // Философский журнал. 2020. Т. 13. № 3. С. 175–188.
- Разеев Д. Н.** Аргумент в защиту эмерджентного субстанциального дуализма (критические возражения Мартине Нида-Рюмелин) // Философский журнал. 2020. Т. 13. № 3. С. 150–161.
- Рикёр П.** Человек как предмет философии // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 41–50.
- Секацкая М. А.** Необходимые и достаточные критерии тождества личности // Вопросы философии. 2018. № 5. С. 125–133.
- Теребков А. С.** К вопросу о трактовке феномена нарратива в современном гуманитарном знании. Сущность и истоки // Омский научный вестник. 2012. № 3 (109). С. 114–117.
- Тюпа В. И.** Нарратология и этика // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2022. Т. 19. № 1. С. 29–44.

- Фауль Б. В.** Модальная теория конституирования и онтология личности // Эпистемология и философия науки. 2023. Т. 60. № 1. С. 98–114.
- Чирва Д. В.** Одинокое животное. Биологический подход к тождеству личности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2012. № 4. С. 60–64.
- Чирва Д. В.** Метафизика имеет значение. Анималистическая и конституционалистская концепции личности // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2015. Т. 18. С. 84–93.
- Чирва Д. В.** Ставит ли анимализм Олсона точку в дебатах о тождестве личности? // Омский научный вестник. Серия Общество. История. Современность. 2021. Т. 6. № 2. С. 107–112.
- Эпихарм.** Фрагменты ранних греческих философов. От этических теокосмогий до возникновения атомистики / Сост. и пер. А.В. Лебедев. М.: Наука, 1989. Т. 1. С. 257–267.
- Ayers M.** Individuals Without Sortals // Canadian Journal of Philosophy. 1974. Vol. 4. No. 1. P. 113–148.
- Baker L.** Persons and Bodies: A Constitution View. Cambridge University Press, 2000.
- Blatti S., Snowdon P.** (Eds.). Animalism: New Essays on Persons, Animals, and Identity. Oxford University Press, 2016.
- Čapek J.** Experience Beyond Storytelling: László Tengelyi on the Narrative Identity Debate // Acta Universitatis Carolinae Interpretationes. 2015. Vol. 5. No. 2. P. 95–113.
- Carter W.** Our Bodies, Our Selves // Australasian Journal of Philosophy. 1988. Vol. 66. No. 3. P. 308–319.
- Korsgaard C.** The Sources of Normativity. Cambridge University Press, 1992.
- McMahan J.** The Ethics of Killing: Problems at the Margins of Life. Oxford University Press, 2002.
- Noonan H.** Personal Identity. Routledge, 2019.
- Olson E.** The Human Animal: Personal Identity without Psychology. Oxford University Press, 1997.
- Olson E.** Was I Ever a Fetus? // Philosophy and Phenomenological Research. 1997. Vol. 57, No. 1. P. 95–110.
- Olson E.** What are We // Journal of Consciousness Studies. 2007. No. 14. P. 37–55.
- Parfit D.** Reasons and Persons. Oxford University Press, 1984.
- Ricoeur P.** Du texte à l'action. P. Ricoeur-Essais d'herméneutique. Paris: Ed. du Seuil, 1986. Т. 2.
- Schechtman M.** Stories, Lives, and Basic Survival: A Refinement and Defense of The Narrative View // Royal Institute of Philosophy Supplements. 2007. No. 60. P. 155–178.
- Schechtman M.** Staying Alive: Personal Identity, Practical Concerns, and the Unity of a Life. Oxford University Press, 2014.
- Shoemaker D.** Personal Identity and Ethics. Broadview Press, 2005.
- Strawson G.** Against Narrativity // Ratio. 2004. Vol. 17. № 4. P. 428–452.
- Swinburne R.** Mind, Brain, and Free Will. Oxford University Press, 2013.
- Swinburne R.** Cartesian substance dualism // The Blackwell Companion to Substance Dualism. 2018. P. 133–152.

- Wiggins D.** Identity and Spatio-Temporal Continuity. Oxford: Basil Blackwell, 1967.
- Williams B.** Personal Identity and Individuation // Proceedings of the Aristotelian Society. 1956. Vol. 57. P. 229–252.

References

- Ayers M.** Individuals Without Sortals // Canadian Journal of Philosophy. 1974. Vol. 4. No. 1. P. 113–148.
- Babich V. V.** In Defense of Narrative Identity // Philosophical Thought. 2024. No. 7. P. 74–91. (in Russian)
- Baker L.** Persons and Bodies: A Constitution View. Cambridge University Press, 2000.
- Blatti S., Snowdon P.** (Eds.). Animalism: New Essays on Persons, Animals, and Identity. Oxford University Press, 2016.
- Čapek J.** Experience beyond storytelling: László Tengelyi on the Narrative Identity Debate // Acta Universitatis Carolinae Interpretationes. 2015. T. 5. No. 2. P. 95–113.
- Carter W.** Our Bodies, Our Selves // Australasian Journal of Philosophy. 1988. Vol. 66. No. 3. P. 308–319.
- Chirva D. V.** The Lonely Animal. A Biological Approach to Personal Identity // Bulletin of St. Petersburg University. Series 6. Philosophy. Cultural Studies. Political Science. Law. International Relations. 2012. No. 4. P. 60–64. (in Russian)
- Chirva D. V.** Metaphysics Matters. Animalistic and Constitutionalist Concepts of Personality // Mysl: Journal of the St. Petersburg Philosophical Society. 2015. Vol. 18. P. 84–93. (in Russian)
- Chirva D. V.** Does Olson's Animalism Put an End to the Debate on Personal Identity? // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2021. Vol. 6. No. 2. P. 107–112. (in Russian)
- Dennett D. S.** Why Each of Us Is a Novelist // Questions of Philosophy. 2003. No. 2. P. 121–130. (in Russian)
- Epicharmus.** Fragments of Early Greek Philosophers. From Epic Theocosmogonies to the Emergence of Atomism / Trans. by A.V. Lebedev. M.: Nauka, 1989. Vol. 1. P. 257–267. (in Russian)
- Faul B. V.** Modal Theory of Constitution and Ontology of Personality // Epistemology and Philosophy of Science. 2023. Vol. 60. No. 1. P. 98–114. (in Russian)
- Garntseva N. M.** Critique of Dualism in Contemporary Analytical Philosophy // Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy. 2008. No. 4. P. 39–50. (in Russian)
- Gasparov I. G.** Personal Identity and the Resurrection of the Dead // Bulletin of the Orthodox St. Tikhon's University for the Humanities. Series 1. Theology. Philosophy. Religious Studies. 2017. No. 70. P. 47–62. (in Russian)
- Gasparov I. G.** Personal Identity and Narrative // Philosophical Journal. 2018. Vol. 11. No. 3. P. 180–183. (in Russian)
- Gurevich P. S., Spirova E. M.** Identity and Its Shadow (Sociocultural Configurations of Self-Identity) // Chelovek. 2016. No. 5. P. 84–94. (in Russian)
- Kimelev Yu. A.** Neo-Scholasticism in the second half of the 20th – early 21st century // Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 3. Philosophy. 2024. No. 1. P. 7–27. (in Russian)

- Knyazev V. N.** Cartesian Dualism and Psychophysical Parallelism // *V Cartesian Readings «Cartesian Dualism and the Modern Picture of the World»: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference (Zelenograd, MIET, November 15-16, 2018)* / Ed. by A. I. Pirogov. Moscow: MIET Publishing. 2018. Vol. 1. P. 111–117. (in Russian)
- Kochnev R. L.** The story of a fake person: personal identity and existentialism // *Omsk Scientific Bulletin. Series: Society. History. Modernity*. 2020. No. 1. P. 95–102. (in Russian)
- Korsgaard C. M.** *The Sources of Normativity*. Cambridge University Press, 1992.
- Kozyreva O. A.** Substantial Dualism and the Privacy of the Mental in the Philosophy of R. Descartes: Critique of Superficial Interpretation // *Bulletin of Tomsk State University*. 2020. No. 452. P. 79–87. (in Russian)
- Levin S. M.** Narrative Approach: Fiction and Reality // *Philosophical Journal*. 2018. Vol. 11. No. 3. P. 184–187. (in Russian)
- Lobkowitz N.** *Perennial Philosophy and Modern Reflections On It*. Moscow: Signum Veritatis, 2007. (in Russian)
- Locke J.** Works [in three volumes] / Ed. by I.S. Narsky. M.: Mysl, 1985. Vol. 1 (in Russian)
- Loginov E. V.** Prolegomena to the Problem of Personal Identity // *Date compote*. 2018. No. 13. P. 6–40. (in Russian)
- Loginov E. V.** Is Personal Identity a Condition of Moral Responsibility? // *Philosophical Journal*. 2020. Vol. 13. No. 2. P. 173–184. (in Russian)
- MacIntyre A.** *After Virtue: Studies in Moral Theory*. Moscow: Academicheskyy Proekt, 2000. (in Russian)
- McMahan J.** *The Ethics of Killing: Problems at the Margins of Life*. Oxford University Press, 2002.
- Mertsalov A. V.** Advantages of the Psychological Theory of Personal Identity in the Question of Moral Responsibility // *Philosophical Journal*. 2023. Vol. 16. No. 1. P. 177–192. (in Russian)
- Noonan H.** *Personal Identity*. Routledge, 2019.
- Olson E.** *The Human Animal: Personal Identity without Psychology*. Oxford University Press, 1997.
- Olson E.** Was I Ever a Fetus? // *Philosophy and Phenomenological Research*. 1997. Vol. 57. No. 1. P. 95–110.
- Olson E.** What Are We // *Journal of Consciousness Studies*. 2007. No. 14. P. 37–55.
- Olson E.** We are Animals // *Date Compote*. 2018. No. 13. P. 107–113.
- Orlov E. V.** Aristotle's Hylomorphism and Analytical Philosophy of Mind // *Humanitarian Sciences in Siberia*. 2004. No. 1. P. 29–33. (in Russian)
- Pavlov A. S.** Richard Swinburne's Substantial Dualism: Current Status and Criticism // *Philosophical Journal*. 2020. Vol. 13. No. 3. P. 175–188. (in Russian)
- Parfit D.** *Reasons and Persons*. Oxford University Press, 1984.
- Razeev D. N.** An Argument in Defense of Emergent Substantial Dualism (Critical Objections of Martine Nida-Rümelin) // *Philosophical Journal*. 2020. Vol. 13. No. 3. P. 150–161. (in Russian)
- Ricoeur P.** *Du texte à l'action*. P. Ricoeur-Essais d'hermmeutique. Paris: Ed. du Seuil, 1986. T. 2.

- Ricoeur P.** Man as a Subject of Philosophy // Questions of Philosophy. 1989. No. 2. P. 41–50. (in Russian)
- Schechtman M.** Stories, Lives, and Basic Survival: A Refinement and Defense of The Narrative View // Royal Institute of Philosophy Supplements. 2007. Vol. 60. P. 155–178.
- Schechtman M.** Staying Alive: Personal Identity, Practical Concerns, and the Unity of a Life. Oxford University Press, 2014.
- Sekatskaya M. A.** Necessary and Sufficient Criteria of Personal Identity // Questions of Philosophy. 2018. No. 5. P. 125–133. (in Russian)
- Shoemaker D.** Personal Identity and Ethics. Broadview Press, 2005.
- Strawson G.** Against Narrativity // Ratio. 2004. Vol. 17. No. 4. P. 428–452.
- Swinburne R.** Mind, Brain, and free Will. Oxford University Press, 2013.
- Swinburne R.** Cartesian substance dualism // The Blackwell Companion to Substance Dualism. 2018. P. 133–152.
- Terebkov A. S.** On the Interpretation of the Phenomenon of Narrative in Modern Humanitarian Knowledge. Essence and Origins // Omsk Scientific Bulletin. 2012. No. 3. P. 114–117. (in Russian)
- Tyupa V. I.** Narratology and Ethics // Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature. 2022. Vol. 19. No. 1. P. 29–44. (in Russian)
- Vinnik D. V.** Metaphysical Foundations and Empirical Criteria of Personal Identity // Philosophy of Science. 2007. No. 2. P. 108–123. (in Russian)
- Volkov D. B.** Narrative Approach as a Solution to the Problem of Identity // Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and Conflictology. 2016. No. 4. P. 21–32. (in Russian)
- Volkov D. B.** Modern Substantial Approach to the Problem of Personal Identity // Philosophy and Culture. 2017. No. 1. P. 77–85. (in Russian)
- Volkov D. B.** Psychological Approach as a Solution to the Problem of Personal Identity // Philosophical Thought. 2017. No. 2. P. 13–25. (in Russian)
- Wiggins D.** Identity and Spatio-Temporal Continuity. Oxford: Basil Blackwell, 1967.
- Williams B.** Personal Identity and Individuation // Proceedings of the Aristotelian society. 1956. Vol. 57. P. 229–252.
- Zahavi D.** I and the Other: from the Pure I to the Jointly Constructed We // Mysl: Journal of the Petersburg Philosophical Society. 2015. Vol. 18. P. 28–46. (in Russian)

Информация об авторе

Бабич Владимир Владимирович, кандидат философских наук
доцент кафедры истории философии и логики Томского государственного университета

Information about the Author

Vladimir V. Babich, Candidate of Sciences (Philosophy)
docent, Department of History of Philosophy and Logic, Tomsk State University

Статья поступила в редколлегию 08.07.2024;

одобрена после рецензирования 29.07.2024; принята к публикации 29.07.2024

The article was submitted 08.07.2024;

approved after reviewing 29.07.2024; accepted for publication 29.07.2024